

УДК 316.33:001

КОЩЕЕВ Эдуард Борисович – старший преподаватель кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета (614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-кт, 29, корп. А; eduardko@bk.ru)

ДВЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ДЛЯ ОДНОГО МИРА

Аннотация. В статье рассматривается рациональность как научный и социальный способ действия. Автор стремится показать развитие социальных и научных систем как условие утверждения рациональности на языке описания общественных наук. Автор подчеркивает взаимообусловленность и взаимовлияние процессов общественной рационализации и смены стандартов научной рациональности.

Ключевые слова: рациональность, общественные науки, социальное действие, социальная реальность

Рациональность занимает свое особое место между наукой и обществом. И то и другое характеризуется в терминах рациональности. Конечно, понятие рациональности многозначно, а вместе с этим сложна и многогранна сама проблематика рациональности в общественных науках. Обратившись к наследию этих наук, мы без труда обнаружим дискуссии в терминах рационального сознания и действия; процедурной, теоретической и практической рациональности; рациональности научной и социальной. Добавим к этому всевозможные типологии рациональности, и мы получим длинный список научных эпитетов, ярлыков, дефиниций, образующих широкий фронт изучения, освоения и применения «рациональности».

В исследованиях рациональности принято говорить о ее противоречивости, двойственности и парадоксальности; противопоставлять рациональность нерациональности и иррациональности. Нередко с помощью «рациональности» описывают как отдельные социальные действия (например, голосование) и социальные институты (например, бюрократию), так и целые комплексы явлений и процессов (например, такие как капитализм и модернизация).

Однако неизменным стержнем дискуссий вокруг рациональности остается вопрос об отношениях между рациональностью мышления, познания, получившей законченную форму в научной и методологической рациональности, и рациональностью социального действия, системы социальных отношений, направления и хода социальной эволюции. Научная рациональность и, будем говорить, научное действие оказались тесно связаны с процессами общественной рационализации. Отсюда наш интерес к тому, как общественные науки, уже являясь неотъемлемой частью социального порядка, рациональным способом изучают этот порядок в терминах все той же рациональности. Такой постановкой исследовательской задачи можно объяснить и название данной статьи.

В вопросе о происхождении рациональности как особом свойстве и качестве, которое с некоторых пор представители общественных наук приписывают социальным отношениям и действиям, мы должны констатировать наличие двух основных каналов, двух корней этого происхождения. Первый канал – это сама наука и научная рациональность, становление и развитие которой способствовало утверждению определенных отношений с объектом и предметом изучения. Причем речь идет не только о способах исследования и даже видения социального мира, но и о том влиянии, которое наука смогла оказать на общественное развитие, хотела она того или нет. Второй канал – это существенные, если не сказать революционные, изменения в системе социальных отношений; выдвижение на передний план тех элементов общественной системы, которые могли быть ранее несущественными и незначительными; превращение единичного, особенного в общее правило и принцип действия, механизм функционирования целого.

Говоря о возникновении темы и проблемы рационального действия в социальных науках, Т. Парсонс указывает на такой факт, как становление науки современного типа, в особенности естествознания [Парсонс 2000: 116]. По мере ослабления интереса к религии наука и связанные с нею философские проблемы стали глав-

ной сферой умственной деятельности с уклоном в систематическое теоретизирование. И на науку стали смотреть как на самое характерное достижение рационального человеческого разума. Такое сильное интеллектуальное влияние, по словам Парсонса, не могло не оставить отпечаток на пластической структуре социальной мысли на раннем этапе ее формирования. Таким образом, интерес к рациональности и представления о ней в немалой степени стимулировались и обуславливались развитием самой науки и, если хотите, научной рациональности. Стандарты и критерии социальной рациональности возникали из положений о том, что правильно и эффективно в научной деятельности ученых. По крайней мере, так было во времена, когда социальная наука находилась в тесном интеллектуальном контакте с естественными науками, а наука вообще признавалась безусловным авторитетом в деле познания и преобразования мира.

Классическим примером того, как научный разум становится образцом человеческой рациональности, мерилом и движущей силой общественного развития, принято считать эпоху Просвещения и те события, которые за ней последовали. А.П. Огурцов – признанный авторитет в области истории и философии этой эпохи – обращает наше внимание на внутреннее родство идей Просвещения и научной рациональности [Огурцов 1993: 20-21]. Он утверждает, что за культом разума в эпоху Просвещения стояла картезианская по своим истокам рационалистическая гносеология. Ученые, вооружившись идеалами строгости и доказательности, монополизировали право говорить от имени Истины. Дискурс рациональности оказался дискурсом господства, деспотических притязаний новой социальной группы (ученые, инженеры, юристы) на Всеобщность [Огурцов 1993: 39-40]. Наука просветителей торпедировала общество своей рациональностью. Именно тогда граница между наукой и обществом была нарушена социально-утопическим проектами ученых-мыслителей. Рационализм проник в сознание и деятельность людей под напором преобразовательных требований просветителей. Общество встало перед необходимостью перестроить мир согласно принципам, на которых строится научный разум [Огурцов 1993: 209-212].

Заметим, что марксизм также был детищем Просвещения, а значит, и «Великая Октябрьская» была продолжением все той же связи (или попыткой навязать эту связь) между разумом и историей, между пафосом научного прозрения, открытия и программой, а затем и практикой радикальных социальных преобразований. Отсюда наши представления о «стыках» и «швах» социальной реальности, в которой научные идеи, насквозь пронизанные рациональностью научных процедур, становятся социальной силой, а социальные конфликты, в свою очередь, формируют не только научную повестку дня, но требуют от науки нового языка, нового инструмента в контакте с миром.

Критикуя «наивный» и потому опасный рационализм Карла Маркса, другой известный Карл (Поппер) встает на позицию прагматического рационализма [Поппер 1992: 275-276]. Согласно этой позиции «мир» не рационален, но задача науки состоит в том, чтобы рационализировать его; «общество» не рационально, но задача социального инженера состоит в том, чтобы рационализировать его. При этом наука не должна вмешиваться в управление обществом, а социальные инженеры не должны использовать методы централизованного или коллективного планирования. Таким образом, Поппер не только не отрицает влияния науки и научного разума на общественные процессы, но и считает нормативной ситуацию, в которой мир рационализируется под бдительным присмотром ученых.

Однако было бы неверным полагать, что наука, выступая образцом рациональности, сама ни от кого и ни от чего не зависела и не зависит. Роберт Мертон признает, что возрастание роли науки в жизни общества способствовало рационализации общественных отношений и формированию секуляризованного сознания. В то же время, говорит Мертон, нельзя забывать, что наука и научная рациональность стали следствием и выражением социальных фактов и культурных контекстов. В подтверждение этой позиции Мертон приводит следующие размышления: если пуританский этос и не оказал прямого влияния на метод науки, то хотя бы побуждал к такому способу мышления и поведения, которые скорее одобряли, нежели

осуждали научные исследования. Лютер мог отвергнуть открытия науки, но его этика приглашала к занятиям естественной наукой [Мертон 2006: 837].

В работе «Сознание как целостность и рефлексия» Т. Матяш настаивает на том, что сознание рационального хозяйствования и экономно-расчетливого способа жизни родилось впервые не в головах теоретиков (или идеологов), но было смыслообразующим моментом капиталистического способа производства и выразилось в реальных действиях его агентов [Матяш 1988: 140]. Вещный практицизм образа мыслей и соответствующих им способов действий и поступков не был привнесен «в жизнь» рефлектирующим сознанием, не был «вычитан» товаровладельцами из специальных пособий, объясняющих, как надо жить в условиях данного способа производства. Он возник спонтанно как содержание «сейчас-сознания», как «впечатанность» сознания в бытие и бытия в сознание [Матяш 1988: 62].

Это означает, что идеи Просвещения, в т.ч. и программы по рационализации общественных отношений (А. Сен-Симон, Ж. Кондорсе, Ш. Фурье и др.), возникли не на пустом месте, а были подготовлены, с одной стороны, логикой становления и развития научной рациональности, с другой – преобладающими формами социальной жизни. При этом стоит подчеркнуть следующее обстоятельство. Так же как новые социальные формы не всегда и не во всем вытесняют старые, что позволяет нам говорить о социальной эволюции, настоящая (по времени) наука наследует опыт предыдущих поколений. Таким образом, помимо социальной логики развития науки и научных идей, о чем свидетельствуют разные авторы, существует и своя научная логика, логика логики, если так можно выразиться. Две эти логики имеют самостоятельное значение; они, безусловно, вступают во взаимодействие, влияют друг на друга, но не сводятся одна к другой.

Внести ясность в расстановку сил «наука – общество» нам помогут исследования Л. Косаревой, посвященные отношениям между наукой и культурой Нового времени. Интерес для автора представляет не просто анализ социальной природы науки как института, а исследование «внутренней социальной детерминации научного познания», т.е. изучение конкретных путей влияния социума на содержание научного знания, на изменения в стиле мышления, на смену картин мира, научных традиций и т.д. [Косарева 1997: 36].

Позиция Косаревой такова, что фундаментальная исследовательская традиция вначале «проигрывается» как культурная установка, подготавливается в недрах культуры, и лишь впоследствии специализируется и становится чисто научной. Она отвергает подход, согласно которому происхождение научных норм можно напрямую вывести из экономических потребностей общества и социального заказа, минуя широкий культурный контекст. Вместо этого Косарева обращается к человеку как носителю определенного мировоззрения и ценностей и констатирует, что широкие социально-экономические изменения были бы невозможны без изменения человека. Только после того, как социально-экономические потребности общества трансформируются в когнитивные и нравственные потребности ученого как личности, станет возможной решительная смена научной установки и даже научной картины мира. Иначе говоря, через экономические изменения, с одной стороны, и культурные, ценностные – с другой, сформировался не только новый тип буржуазного производителя, но и ученый гений К. Маркса, М. Вебера и других «отцов» и «проводников» рациональности в общественных науках.

Выводы Косаревой и наши собственные положения находят подтверждение у одного из самых главных науковедов отечественной школы – М.В. Петрова. Согласно его позиции наука возникает в рамках единого процесса раскрепощения социальной формы, который начался в Европе в XIV–XV вв. и характеризовался складыванием национальных государств, реформацией, возникновением индустриального производства, рынка, разложением социального бытия на политическое и гражданское, на инерционное и обновляющее. Наука возникала из гражданского бытия как один из способов активного воздействия на политическое бытие ради его обновления. Общий смысл возникновения науки есть удавшаяся попытка нагрузить человеческую способность мыслить социальной функцией обновления [Петров 1992: 250–251].

Схожим образом рассуждают многие известные представители общественных наук, такие как Й. Шумпетер И. Валлерстайн, Ю. Хабермас и др. [Шумпетер 1995; Валлерстайн 2004; Хабермас 2007], поэтому есть смысл ограничиться уже приведенными примерами и ссылками и перейти к подведению итогов.

Рациональность социологического исследования и модус социальной реальности, как правило, формировались и находятся под воздействием научной рациональности, ее основных стандартов и перипетий их трансформации, с одной стороны, и общественного развития и, если говорить конкретно, становления капиталистических отношений – с другой. Нельзя утверждать, что одна из указанных сторон была ведущей в вопросе утверждения рациональности как социальной и научной ценности. Скорее всего, мы должны говорить об их взаимной обусловленности. Усиление одного фактора приводит к усилению другого. И связано это с тем, что наука всегда была и будет частью общественного сознания и действия; она неразрывно связана с теми процессами, которые происходят в обществе. Влияние научного дискурса на общественные процессы так же неоспоримо, как и влияние социальных институтов и практик на научную рациональность. И если в современном обществе наука стала автономной подсистемой, регулируемой специфическими кодами и средствами обмена, что, однако, не отменяет тезис о взаимовлиянии и взаимопроникновении, то в эпоху активного становления общественных подсистем особенно заметными кажутся пересечения потока мысли, в т.ч. научной, с потоком жизни, частью которой эта мысль, несомненно, является. Наука вообще и социальная наука в частности всегда уже включает в себя в преломленном, преобразованном виде культурно-исторический код общества. Рациональность, в свою очередь, является элементом этого кода, и в то же время частью научного языка, релевантного общественным состояниям.

Список литературы

- Валлерстайн И. 2004. *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. М.: Логос. 368 с.
- Косарева Л. 1997. *Рождение науки Нового времени из духа культуры*. М.: Изд-во Института психологии РАН. 360 с.
- Матяш Т. 1988. *Сознание как целостность и рефлексия*. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета. 184 с.
- Мертон Р. 2006. Пуританство, пиетизм и наука. – *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ. 873 с.
- Огурцов А. 1993. *Философия науки эпохи Просвещения*. М.: Наука. 213 с.
- Парсонс Т. 2000. *О структуре социального действия*. М.: Академический Проект. 880 с.
- Петров М. 1992. *Самосознание и научное творчество*. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета. 272 с.
- Поппер К. 1992. *Открытое общество*. М.: Феникс, МФ «Культурная инициатива». Т. 2. 485 с.
- Хабермас Ю. 2007. *Техника и наука как «идеология»*. М.: Праксис. 208 с.
- Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика. 540 с.

KOSHCHEEV Eduard Borisovich, Senior Lecturer of the Chair of Sociology and Political Science, Perm National Research Polytechnic University (Komsomol'skij Av, 29, bld. Ave, Perm, Russia, 614990; eduardko@bk.ru)

TWO RATIONALITIES FOR ONE WORLD

Abstract. The article discusses the rationality as a scientific and social basis of the action. The author tries to demonstrate the process of the development of social and scientific systems as a condition of the approval of rationality in the description language of the social sciences. The author also emphasizes the interdependence and interaction of processes of social rationalization and changing standards of scientific rationality.

Keywords: rationality, social sciences, social action, social reality